

Анна знала, что становится слабее, ее решимость ускользает, как вода при падении. Она никогда не была самым сильным человеком, она почти всегда делала то, что хотели другие люди, даже когда росла, она подчинялась друзьям и семье. Она ни в коем случае не была покорной, но ее личность привела ее к тому, что она стала такой, какой была, и действительно, сейчас, в возрасте 39, почти 40 лет, она находилась под почти невидимой атакой, которая ослабляла ее решимость, как никогда раньше.

Анна притягивала к себе людей, как мотыльков на пламя, ее мнением всегда интересовались, у нее было много настоящих и хороших друзей, она могла и делала это в разговоре с кем угодно и легко, она никогда не теряла слов, и все ее любили. В ее доме постоянно происходили какие-то события, вокруг всегда были люди, барбекю, вечеринки, что-то происходило. В ее доме была своя политика открытых дверей.

Не было ничего необычного в том, что кто-то из ее друзей, друзей ее мужа и друзей ее сына заходил, садился за кухонный стол и чувствовал себя как дома. Она кормила и пила любого проходящего мимо приятеля. К ней не приставали, она находила посылки с тем, этим и другим, оставленные в качестве своего рода платы, будь то еда или питье, если они не использовались там и тогда, они находили выход в субботний вечер, воскресное барбекю, в середине недели - называйте как хотите, в конце концов, они использовались. Их также регулярно угощали, водили на обеды и тому подобное.

Алан и его лучший друг всегда были рядом; на самом деле она часто говорила, что его друг бывает там чаще, чем он. И это было ее проблемой, поскольку он вырос в прекрасного молодого человека, каким был сейчас, как и ее сын Алан. Он приставал к ней, и ей было все труднее и труднее сопротивляться ему и ему. У Пита было что-то на нее, не шантаж, но он мог потянуть ее за ниточки, установить с ней зрительный контакт, который только она знала, что он означает, манера улыбаться, которая говорила: "Я хочу тебя, я отчаянно хочу тебя, ты великолепная сексуальная женщина Анна".

Иногда ему удавалось дотронуться до нее, и это заставляло ее чувствовать себя горячей, его присутствие заманивало ее в яму, из которой ей было все труднее выбраться. И, кроме того, он, казалось, точно знал, что делает. У него был ее номер! Даже когда там были другие, он находил способы невинно оказаться рядом с ней, просто проходя мимо, сидя или болтая.

Анна знала, что это происходит, но она также знала, что никто другой этого не знал, особенно ее муж и сын. Все, что происходило в их доме, было на виду, но для них ничего не значило. Но для Анны это становилось всем. Что она может с этим сделать, что она должна с этим сделать, как решить эту проблему? Казалось, она никак не могла этого сделать, потому что даже сама не могла дать ей определение.

Анна посмотрела на себя в зеркало в прихожей, ее сын и Пит были наверху, играли в игру на его компьютере, она принесла им бутерброды и напитки. Пит погладил ее по руке, когда она брала их, и она покраснела, от этого ее охватил огонь. Румянец на ее щеках все еще оставался, когда она смотрела на себя, видел ли это Алан? Если и видел, то не подавал виду, он даже почти не смотрел на нее.

Она осмотрела себя еще раз, она все еще была привлекательна на вид, у нее все еще был взгляд, у нее все еще был он! Она по-прежнему могла привлекать взгляды всех полов, и она была очень рада, что могла и привлекала. В конце концов, она была женщиной, а женщинам нужно, чтобы их ценили, и Анна ничем не отличалась от других женщин.

Ее темно-каштановые волосы все еще были мягкими, густыми и пышными, чуть выше ее стройных плеч, они окутывали ее красивое полное лицо, высокие скулы подчеркивали ее глубокие темные глаза, над которыми изящно выгибались брови, ресницы были длинными и кошачьими. Ее тело было в прекрасной форме; она не курила, мало пила и занималась спортом.

Она могла приковать мужчину к месту своим взглядом, и Пит не был исключением, цвет ее зрачков, чистая белизна вокруг них придавали ей почти гипнотический взгляд, и Питу было практически невозможно оторвать свой ответный взгляд, пока Анна не отвела от него свой.

По ее мнению, ее сиськи были ее главным достоинством, хотя многие мужчины с этим не согласятся, она любила их, они были высокие и гордые, не слишком большие, но достаточно крупные, с вздернутыми сосками темного цвета, которые в лучшие времена зудели. Но в худшие времена они были сверхчувствительными. У нее была фантастическая задница, что замечали многие мужчины, но она не слишком обращала на это внимание, а ее ноги были почти идеальны. В целом Анна считала себя счастливой женщиной, которая родилась такой красивой, какой родилась.

И тут она поняла, что ее соски почти лают на нее, как голодная собака, они зывают к ее вниманию! Ее лицо снова покраснелось, когда она угрюмо призналась своему отражению, что она возбуждена, и если бы она была одна в доме, она бы что-нибудь с этим сделала.

На ней был маленький хлопковый светло-коричневый топ, не откровенный и не обтягивающий, но очень плотно облегающий ее тело, короткая юбка, которая заканчивалась чуть выше ее стройных коленей. При гордом росте 5 футов 8 дюймов она была почти 5 футов 11 дюймов на каблуках, без чулок или колготок, только трусики и лифчик, немного макияжа завершали сегодняшний ансамбль.

Ее мужа, с которым она прожила 19 лет, не было дома, а ее 18-летний сын Алан и приятель были наверху, когда она вернулась на кухню. За эти годы у Анны было несколько случаев близкого знакомства с мужчинами, знакомыми ее мужа, и даже с мужьями некоторых ее друзей, коллег по работе и т.д., но она оставалась верна себе.

Но теперь она знала, что все это в опасности, причем в опасности со стороны лучшего друга ее сына. Он начал приставать к ней год назад, это подкрадывалось к ней постепенно, маленькие нюансы, слова, прикосновения, взгляды, улыбки, поднятые брови - все это было. Теперь она слишком хорошо это понимала, и не понимала или не могла понять, почему ей это нравится. Ее возбуждало то, что она знала и чувствовала это. Никто другой на всем белом свете даже не подозревал об этом.

Только вчера он провел ногой вверх и вниз по ее икре, когда они все сидели за столом на кухне. Его нога ушла так же быстро, как и появилась, и исчезла прежде, чем она успела отреагировать. Но она почувствовала, что ее лицо раскалилось и покраснело, а киска и соски судорожно сжались. Она кашлянула, чтобы скрыть это как оправдание тому, что что-то щекочет ей горло, она улыбнулась во все стороны, наконец, позволив своим огромным глазам задержаться на Пите на мгновение дольше, чем следовало.

Он тайком подмигнул и улыбнулся в ответ, Анна чуть не умерла; но она знала, и Анна получила сообщение громко и ясно. Теперь она стояла на своей кухне, желая набраться смелости, чтобы развязать себя и дать облегчение своим ноющим сиськам и киске, но она не смела сделать ничего подобного, это было бы слишком стыдно.

Она искала, чем бы заняться, и решила навести порядок в своих многоярусных шкафах, когда она начала, из спальни ее сына раздался шум наверху, затем топот ног и внезапный стук и грохот на лестнице. Ее сын Алан вбежал на кухню и надел куртку.

"Мне нужно идти, мама", - сказал он через исчезающее плечо, и она бросилась за ним, спрашивая, в чем дело?

"Ничего", - сказал он ей и исчез, Анна повернулась и снова вошла в кухню, закрыв за собой дверь, забыв, что Пит все еще здесь, пока он не заговорил с ней.

"Вы в порядке, миссис Джей?" Анна на мгновение опешила.

"О, Пит, извини, - сказала она, - я забыла, что ты здесь на минуту, что случилось, куда он ушел?"

"Ему позвонила девушка по имени Кристина", - сказал он ей, - "он преследовал ее несколько недель, и она только что позвонила ему и сказала, что хочет его видеть, она сказала ему, что хочет встречаться с ним".

"О", - сказала Анна, почувствовав небольшую волну разочарования. Пит заметил ее мгновенно опустившийся взгляд и шагнул к ней; он обнял ее и прошептал ей на ухо.

"Не смотри так грустно, миссис Джей", - мягко сказал он, - "Я здесь". Анна не видела и не понимала, в какой опасности она находилась, - бурные воды, по которым она плыла, вот-вот могли затопить лодку ее жизни.

Пит осторожно притянул ее к себе, они были нога к ноге, тело к телу, ее голова была слегка склонена, и тогда Анна почувствовала жар внутри себя. Она все еще была возбуждена, и теперь это дьявольское возбуждение вновь заявило о себе, пламя разгоралось и яростно пылало в ней, и оно вот-вот поглотит ее, вот-вот поглотит ее.

Он прошептал что-то так тихо, что она не расслышала; это должно было стать ее гибелью. Она подняла свое прекрасное лицо, чтобы спросить, что он сказал, и он поцеловал ее. Она была настолько ошеломлена, что не сопротивлялась, Анна просто замерла в поцелуе. Он держал ее очень долго, а потом она невинно и неосознанно ответила и ответила на него.

<http://erolate.com/book/2154/59133>